

Право конституции в российском праве

Аннотация. Современное право для сохранения единства нуждается в общеправовых регуляторах, отвечающих не только за установление принципиальной конструкции высшей власти, но и за его внешние связи, закрепление общеправовых целей, принципов, коллизионных правил. Такие регуляторы, будучи системным ядром национального права, образуют высший уровень его внутренней иерархии. В современном понимании система общеправовых регуляторов представлена нормами конституционного значения (писанные или неписанные конституции) и образует право конституции. Оно не тождественно конституционному праву, хотя бы потому, что конституция — источник общеправовой. Вместе с тем различение права конституции и конституционного права относительно. Конституционное право может быть представлено как право конституции, дополненное подконституционными средствами закрепления устройства высшей власти в политическом механизме общества. В числе функций права конституции: введение в право ценностей, значимых для российского общества; задание основ правотворческого процесса и иерархии правовых актов; закрепление общих положений (цели, принципы, дефиниции) для всех отраслей права; прямое конституционное регулирование отраслевых и межотраслевых отношений; стимулирование внутриправового разнообразия; самонастройка конституционного инструментария.

Ключевые слова: право конституции, конституционное право, нормы конституционного значения, конституция, общеправовые регуляторы, национальное право, общая часть, конституционализм, верховенство права, верховная государственная власть.

Современное право вбирает в себя множество разнородных внутренних элементов (ценностных, функциональных, институциональных). В таких условиях обретение и сохранение национальным правом внутреннего единства, без чего невозможно сколь-нибудь действительное правовое упорядочение общественных отношений, требует выделения в нем общеправовых регуляторов, отвечающих не только за установление принципиальной конструкции высшей власти, но и за его внешние связи, закрепление общеправовых целей, принципов, коллизионных правил. Данные регуляторы в идеале призваны придать национальному праву качество органической системы¹. В ее рамках задача общепра-

вовых регуляторов заключается не в снижении имеющегося уровня правовой сложности (он задан во многом объективно), но в предотвращении порождаемых им рисков.

Одно из средств достижения единства национального права — согласование действия отдельных его отраслей за счет их внутренних средств (к примеру, отраслевых коллизионных правил), систематизация отраслевого законодательства. Однако на определенном этапе развития национального права, обычно в условиях становления индустриальной цивилизации, слома сословной организации общества, расширения числа конкурирующих элит, указанные меры обеспечения единства права оказываются недостаточными. Право вслед за становящимся индустриальным обществом набирает такую сложность (появление множества правотворческих инстанций, глубокая

¹ О праве как органической системе см.: Алексеев С.С. Структура советского права. М., 1975. С. 11–13.

дифференциация регулирования и, как следствие, нарастание межотраслевых противоречий, появление новых субъектов права и предметов регулирования и т.д.), которая требует выделения в правовом материале особых средств обеспечения его целостности, устойчивости, развития. Появляется необходимость в едином общеправовом (надотраслевом) регулировании, которая с переходом общества к постиндустриальной фазе только усиливается².

Общеправовые регуляторы, будучи системообразующим ядром национального права, образуя высший уровень его внутренней иерархии, обретают значение его «общей части». Одним из отличительных признаков сложившейся отрасли права называют наличие у нее, помимо особого предмета и метода регулирования, общей части — системы отраслевых обобщений (нормы-цели, принципы, дефиниции и др.), обеспечивающих единство действия остальных ее норм³. Однако общеправовые регуляторы играют аналогичную роль только применительно к праву в целом. Если нормы общей части отдельных отраслей права распространяют свое действие тем или иным образом на все отношения в рамках предмета соответствующих отраслей, то общеправовые регуляторы распространяют свое действие на совокупный предмет национального права. Общеправовые регуляторы направлены не столько на упорядочение отраслевых отношений поверх соответствующих отраслей (что не исключается), сколько на придание нужного вида и содержания отраслевым нормам, в том числе отраслевым обобщениям, а также на определение порядка создания отраслевых регуляторов (предметом права становится право).

Если отраслевые обобщения, сложившиеся в общую часть, выступают центром своих отраслей права, то общеправовые регуляторы становятся центром всей системы национального права. При этом общеправовые регуляторы, пользуясь языком Тейяра де Шардена, не просто являются центром, возникающим из слияний элементов, которые он собирает или аннулирует в себе; они — отчетливый центр, точка Омега, сияющая в центре системы центров. Здесь персонализация всецелого (у нас общеправовых регуляторов) и персонализация элементов (отдельные отрасли

права) достигают своего максимума, без смешивания и одновременно под влиянием всецелого автономного очага единения⁴.

В современном понимании система общеправовых регуляторов как центр центров национального права — это уровень учредительно-правового регулирования, представленного нормами конституционного значения (писанные или неписанные конституции)⁵. Такое положение вещей дает основание для именования системы общеправовых регуляторов правом конституции как общей частью национального права. Здесь мы очевидным образом отличаем право конституции от конституционного права как «обычной» отрасли права, регламентирующей устройство и функционирование высшей государственной власти в политическом механизме общества.

Различение права конституции и конституционного права покоится, во-первых, на том, что конституция — источник общеправовой, на который конституционное право «не имеет исключительных прав». Во-вторых, предмет подконституционных норм конституционного права охватывает лишь часть предметной области права конституции. В-третьих, системные связи конституционных норм между собой значимее, чем их связи с подконституционными нормами конституционного права. Вместе с тем различение права конституции и конституционного права все же относительно.

Дело в том, что верховная государственная власть (предмет конституционного права) как учредительная власть, выводимая из самой себя в рамках конституционного процесса, является опорным звеном отношений, составляющих предмет права конституции. Развертывая содержание конституционных положений о верховной государственной власти, подконституционные нормы конституционного права помимо решения иных задач определяют политико-территориальное устройство государства и исходные правила исчисления в нем времени, компетенцию высших органов государственной власти, законодательные процедуры, иерархию правовых актов, конституционный контроль, статус граждан (иностранцев, апатридов), государственные гарантии основных прав и свобод людей. Таким образом, конституционное право отвечает за закладку пространственно-временных, правовых (источники, порядок их принятия, контроль их законности), субъектно-компетенционных, гарантийных (механизмы обеспечения основных прав и свобод) основ отраслевого регулирования.

² Отдельные общеправовые регуляторы использовались и в предшествующие эпохи. Отечественный пример — закрепление в Своде основных государственных законов Российской империи 1835 г. системы высшей власти, видов правовых актов и основ законодательного процесса.

³ О правовых обобщениях см.: Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М., 1989. Сложившаяся система отраслевых обобщений не обязательно на законодательном уровне оформляется в виде общей части отраслевых кодексов, да и сама форма кодекса не обязательна для выделения полноценных отраслей.

⁴ См.: Мир философии. М., 1991. Ч. 2. С. 537.

⁵ Писанные конституции не обязательно вбирают все нормы конституционного значения, а некоторые их нормы могут относиться к конституционному уровню лишь формально исключительно в силу их включения в текст конституции.

Следовательно, конституционное право в его подконституционной части непосредственно обеспечивает системообразующую роль права конституции в национальном праве. Такое положение вещей позволяет оценить конституционное право как право конституции, дополненное подконституционными средствами обеспечения общеправового назначения последнего⁶. Удачно ли здесь наименование «конституционное право»? Оно вполне удачно, хотя бы потому, что, в отличие от иных возможных наименований (государственное право, право верховного управления, политическое право), указывает главный ценностный ориентир нашей отрасли и высшей государственной власти — обеспечение возвышения права в лице конституционных норм над государством, государственным усмотрением, связывание государства правом⁷.

Применительно к российским особенностям конституционное право как право конституции предстает в виде системы конституционных (уставных) норм, закрепляющих социально-экономические, политико-управленческие, духовно-культурные, правовые устои общества, в том числе основы правового положения человека и гражданина, задающих структуру российского права, единые цели, принципы, ценности всех его отраслей, обеспечивающих их согласованное, непротиворечивое действие. В качестве источников права конституции выступают Конституция РФ, конституции (уставы) субъектов РФ, правовые позиции Конституционного Суда РФ, конституционных (уставных) судов субъектов РФ. Отнесение к их числу иных источников, например, конституционных соглашений, обыкновений, обычаев, требует дополнительной проработки.

Конституционное право как обычная отрасль российского права — система конституционных (уставных) и иных норм, определяющих с помощью методов общего и детального нормирования учреждение, устройство институтов верховной государственной власти, политической системы, основания и порядок приобретения и прекращения гражданства, государственные гарантии основных прав и свобод людей. К числу источников конституционного права в этом значении наряду с источниками права конституции относятся практически все иные виды источников, известных российской правовой системе.

Право конституции имеет собственную структуру, в которой выделяется свой фундамент. Это основы конституционного строя — система

исходных конституционных принципов, определяющих социально-экономические, политико-управленческие, духовно-культурные, правовые, в том числе конституционно-правовые устои российского общества (закреплены в гл. 1 Конституции РФ). Названные принципы одновременно имеют значение целей, ценностей конституционного развития. Если выше общеправовые регуляторы были определены как центр центров правовой системы, то в системе таких регуляторов основы конституционного строя вкупе с основными правами и свободами индивидов оказываются «центром центра центров». Конституция РФ отвечает за юридическое освящение такого центра в качестве своеобразного канона мирской веры и мирского порядка⁸.

В структуре основ выделяется их собственное ценностное ядро, предопределяющее содержание всех иных исходных конституционных принципов. Это принцип правового государства⁹. Выделение в основах конституционного строя их ценностного ядра позволяет взглянуть на систему права как на пирамиду, вершиной которой, программирующей весь остальной правовой материал, в том числе конституционный, содержащий его в себе в снятом виде и выражающейся в нем точно или не вполне, является указанный принцип правового государства. Это идеальное средоточие действующего права, раскрывающее себя в национальном праве в целом («все — в одном; одно — во всем»), да и в обществе в целом. Впрочем, возможно представить соотношение основных конституционных принципов и как более сложное, когда каждый из них в своей плоскости «венчает» свою пирамиду, одновременно играя вспомогательную роль по отношению к иным исходным принципам (входя в их пирамидальную организацию).

Специализация права конституции на обеспечении целостности, внутреннего разнообразия, устойчивости (сбалансированности) и развития отечественного права порождает ряд его общеправовых функций. В их числе: введение в правовой контекст ценностей, традиционных и (или) значимых для российского общества; задание основ правотворческого процесса и иерархии правовых актов; закрепление общих положений (цели, принципы, дефиниции и др.) для всех отраслей права, законодательства, выступающих в качестве стандартов для корректировки отраслевого и межотраслевого регулирования,

⁶ Для собирательного обозначения конституционных норм и подконституционных норм конституционного права зачастую используют понятие «конституционно-правовые нормы».

⁷ О возвышении права над государством см.: Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб., 2004. С. 364.

⁸ Выделенное проявление Конституции РФ заставляет серьезно задуматься над подходом, согласно которому для нее узко ее определение в качестве закона, пусть и основного. О таком подходе см.: Безруков А.В. Конституция Российской Федерации как ценность общественно-правового развития // Современное право. 2014. № 4. С. 34–36.

⁹ Зорькин В.Д. Современный мир, право и Конституция. М., 2010. С. 113.

в том числе для снятия межотраслевых противоречий; прямое конституционное регулирование отраслевых и межотраслевых отношений; стимулирование необходимого внутриправового разнообразия; самонастройка конституционно-правового инструментария в целях надлежащего выполнения вышеперечисленных функций.

Введение в общеправовой контекст ценностей, традиционных и (или) значимых для российского общества. В первую очередь именно через конституционное право осуществляется взаимодействие правовых и иных социальных регуляторов, ориентация правового регулирования на господствующие в обществе или требующие правовой защиты ценности. Так, стыку права и идеологии посвящена ст. 13 Конституции РФ, праву и религии — ст. 14, 28 Конституции РФ. Ряд традиционных для российского общества ценностей, исходных для отечественного права, требующих выражения, поддержки, защиты на всех направлениях правового регулирования, названы в преамбуле Конституции РФ 1993 г. Они требуют, чтобы отечественное право обеспечивало утверждение в обществе начал добра и справедливости, свободы и равенства людей в их человеческом достоинстве, гражданский мир и согласие, благополучие и процветание России как части мирового сообщества, в том числе в интересах будущих поколений.

Б.С. Эбзеев правильно пишет, что преамбула Конституции имеет для законодательной и исполнительной власти не только моральную, но и юридическую силу, а судами должна восприниматься в качестве оселка, с помощью которого выверяется адекватность истолкования конституционных норм¹⁰. Первичное юридическое преломление положения преамбулы получают в основах конституционного строя и в первую очередь — в принципе правового государства как ядре названных основ¹¹. При таком понимании названного принципа он оказывается «переходным мостиком» от преамбулы Конституции РФ к остальному ее содержанию и дальше — к отечественному праву в целом.

К преамбуле Конституции РФ неоднократно обращался Конституционный Суд РФ, в частности, придав закрепленной в ней ценности справедливости значение основного конституционного (общеправового) принципа (постановления от 20 апреля 2006 г. № 4-П, от 14 февраля 2013 г. № 4-П, от 10 октября 2013 г. № 20-П, от 19 ноября 2013 г. № 24-П и др.). Таким образом, с точки зрения Конституционного Суда РФ, основы конституционного строя коренятся не

только в гл. 1 Конституции РФ, но и в ее преамбуле. Впрочем, их обнаруживают и в иных главах Конституции РФ¹².

Задание основ правотворческого процесса и иерархии правовых актов. Современное общество заинтересовано в наличии в нем множества самостоятельных правотворческих инстанций, что, конечно, резко усложняет правовую систему, с неизбежностью ведет к появлению в ней противоречий между актами разных субъектов правотворчества. Отсюда вытекает потребность в конституционном закреплении основ правотворческого процесса и иерархии правовых актов, включая соотношение, с одной стороны, актов (норм) российского права и, с другой стороны, актов (норм) международного права, а также актов (норм) иностранных государств. В Конституции РФ на решение этой задачи нацелены ст. 1, 4, 15, 71–73, 76, 104–108 и другие, развиваемые в актах текущего законодательства.

Кроме того, Конституция РФ предусматривает принятие конкретных актов по ряду вопросов, в частности, федеральных конституционных законов (ст. 56, 65, 70, 84, 87, 88, 103, 128, 135, 137), что также направлено на обеспечение единства, устойчивости законодательной системы страны и правового механизма в целом.

Выстраивание строгой иерархии правовых актов невозможно без введения в правовую систему развитого коллизионного инструментария. В силу п. «п» ст. 71 Конституции РФ в ведении Российской Федерации находится федеральное коллизионное право. Одним из широко распространенных способов такого регулирования является указание в базовых отраслевых законах на приоритетность их норм в пределах их предмета регулирования. Однако зачастую предметы регулирования разных актов пересекаются, что порождает конфликты отраслевых приоритетов и необходимость в существовании межотраслевых коллизионных регуляторов, относящихся, по общему правилу, к области конституционного права.

Конституционный Суд РФ неоднократно обращался к вопросам коллизионного регулирования, соответствия Конституции РФ его отдельных элементов. Общий подход Конституционного Суда здесь таков: определение приоритета действия разных актов в системе имеющегося регулирования — задача судов общей юрисдикции

¹⁰ См.: Комментарий к Конституции РФ / под ред. В.Д. Зорькина. 2-е изд. М., 2011. С. 43.

¹¹ См.: Зорькин В.Д. Современный мир, право и Конституция. С. 113.

¹² Так, В.Е. Чиркин обращает внимание на то, что основные конституционные принципы содержатся и в гл. 2 Конституции РФ (например, запрет монополизации экономики — в ст. 34). См.: Чиркин В.Е. Конституционное право России: учеб. М., 2003. С. 77. Однако данный принцип вполне можно оценить и как конкретизацию ч. 1 ст. 8 из гл. 1 Конституции РФ, гарантирующей в Российской Федерации единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержку конкуренции, свободу экономической деятельности.

и арбитражных судов, если здесь нет конституционно-правового аспекта. В ряде своих позиций он легализовал применительно к российской правовой действительности старые доктринальные правила, согласно которым при столкновении разных актов действует акт, принятый позднее или более специальный акт. Например, в постановлении от 29 июня 2004 г. № 13-П Суд счел соответствующим Конституции РФ наличие у УПК РФ как акта специального приоритета в регулировании уголовно-процессуальных отношений. В определении от 8 ноября 2005 г. № 439-О Суд сформулировал новое коллизионное правило о приоритете при столкновении разных актов того акта, который закрепляет больший объем прав и гарантий граждан.

Закрепление общих положений для всех отраслей права. Конституционные категории в разных отраслях права, законодательства должны либо означать одно и то же, либо отраслевая конкретизация названных категорий не должна искажать их конституционный смысл. Такое их действие призваны обеспечить все органы публичной власти. Вместе с тем решающая роль здесь принадлежит Конституционному Суду РФ. К примеру, в постановлении от 7 июня 2000 г. № 10-П он указал на искажение в Конституции Республики Алтай закрепленной в Конституции РФ категории «собственность». Суд отметил, что ч. 1 ст. 16 Конституции Республики Алтай отождествляет понятия «достояние» и «собственность» и тем самым создает правовую коллизию. Отождествление указанных понятий ведет к тому, что Республика Алтай в одностороннем порядке объявляет своей собственностью все природные ресурсы, находящиеся на ее территории, тогда как основания приобретения (возникновения) и прекращения права собственности устанавливаются гражданским законодательством, которое в соответствии с Конституцией РФ (ст. 71, п. «о») относится к ведению Российской Федерации.

Республика Алтай не вправе устанавливать препятствия для использования природных ресурсов на своей территории в интересах всего многонационального народа РФ; провозглашать изначальное (первичное) право собственности на природные ресурсы с претензией на правомочия собственника на те объекты, которые ей не принадлежат; устанавливать приоритет какой-либо формы собственности, поскольку эти вопросы решаются либо непосредственно Конституцией РФ (ст. 8, 9, 36, 71), либо на ее основе федеральными законами. В силу этого названное положение республиканской Конституции было признано Конституционным Судом РФ не соответствующим Конституции РФ.

Приведенный пример показывает, что конституционные категории выступают в качестве общеправовых эталонов, позволяющих осущест-

влять конституционную проверку самых разных явлений правовой действительности. Сложно организованное, глубоко специализированное право не может обойтись без общеправового каталога эталонов, исходно концентрируемых в конституционных текстах, как общество не может обойтись без эталонов физических величин (времени, веса и др.). Выделенное качество конституционных положений позволяет обеспечивать на их основе стратегическую и текущую конституционализацию отраслевого регулирования, правоприменительной деятельности¹³.

Конституционные положения в качестве общеправовых эталонов необходимы также для выявления и устранения межотраслевых противоречий. Устранение данных противоречий при помощи отраслевых средств, тех же отраслевых коллизионных правил, допустимо, но оптимальное разрешение названных противоречий все же требует подключения конституционного регулирования. Вообще, межотраслевые отношения — это естественный предмет именно конституционно-правового воздействия, в том числе конституционно-судебного.

Рассогласованность норм Федерального закона «О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан», земельного, гражданского, жилищного, градостроительного законодательства применительно к регулированию института регистрации граждан по месту пребывания и жительства установил Конституционный Суд РФ в постановлении от 14 апреля 2008 г. № 7-п. Суд указал, что выявленная им рассогласованность перечисленных актов породила неопределенность в правовом регулировании названного института, создав тем самым возможность ущемления свободы передвижения, выбора места жительства гражданами. Суд потребовал от законодателя устранения выявленной им рассогласованности проверенных актов. Согласованность действия разных актов, норм требует помимо прочего четкого нормативного определения предмета регулирования разных разделов законодательства, отдельных актов. На уточнение границы гражданского законодательства и законодательства о культуре направлено, например, постановление Конституционного Суда от 4 марта 1997 г. № 4-П по делу о проверке конституционности ст. 3 Федерального закона «О рекламе».

¹³ О конституционализации отраслевого законодательства, практики его применения см., напр.: Бондарь Н.С. Судебный конституционализм в России. М., 2011. С. 235–240; Крусс В.И. Доктринальные инновации в контексте конституционализации Российской правовой системы // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 4. С. 2–11; Хабриева Т.Я. Этапы и основные направления конституционализации современного российского законодательства // Журнал конституционного правосудия. 2013. № 6. С. 25–30.

Прямое конституционное регулирование отраслевых (межотраслевых) отношений. Конституция РФ устанавливает, что ее нормы действуют прямо, непосредственно (ст. 15, 18). Конституционные нормы выступают вместе с нормами отраслевого законодательства, а при необходимости и вместо них, при их отсутствии или неконституционности, в том числе в аспекте неконституционности их межотраслевого взаимодействия. Способом названного регулирования является введение Конституционным Судом РФ временного порядка исполнения его решений. Такое регулирование основано на прямом применении Судом норм Конституции РФ. Оно позволяет оперативно закрывать пробелы в праве.

Стимулирование необходимого внутривидового разнообразия. Конституционные нормы в своем системном единстве в целях адекватного раскрытия их содержания применительно к фактическому строю общественных отношений предопределяют выделение в отечественном праве профилирующих отраслей (гражданское, гражданско-процессуальное право; административное, административно-процессуальное право; уголовное, уголовно-процессуальное право). В то же время, требуя полного раскрытия своего содержания, они влекут объединение норм разных профилирующих отраслей в комплексные отрасли (экологическое, семейное, таможенное, налоговое, предпринимательское, торговое право). В итоге именно на конституционном уровне задается глубокая дифференциация правового материала и в то же время появление в нем множества межотраслевых связей. Такая дифференциация предполагает, в частности, расширение процессуальных начал в рамках самого конституционно-правового регулирования, без чего невозможна действенность последнего¹⁴.

Самонастройка конституционно-поверочного инструментария. Решение конституционным правом общеправовых задач требует поддержания в надлежащем состоянии конституционно-поверочного инструментария, включая уточнение содержания отдельных конституционных категорий и отладку их соотношения между собой. Между конституционными категориями самими по себе нет и не может быть противоречий. Однако такие противоречия зачастую появляются в процессе применения конституционных норм. Это и заставляет ставить и решать задачу внутриконституционной проверки конституционных стандартов (проверка поверочного инструментария).

Так, вполне возможно противоречивое применение базовых конституционных принципов. Не исключают столкновения между собой те же принципы народовластия и приоритета прав и свобод людей, требуя их непротиворечивого согласования. Так, если проявлением народовластия является свободное принятие решений населением, представительными учреждениями по большинству голосов, то такое свободное принятие решений не должно утверждать произвол большинства, пониматься как возможность большинства делать обязательными любые поддерживаемые им решения, в том числе задевающие законные права недоминирующих групп населения, отдельных граждан, что нарушало бы принцип приоритета прав и свобод. Однако и принцип приоритета прав и свобод, не введенный в надлежащие конституционно-правовые рамки, иногда позволяет толковать себя как предусматривающий необходимость «позитивной дискриминации» большинства в целях обеспечения интересов представителей меньшинств (при поступлении на работу, службу, в учебные заведения, при определении адресатов тех или иных мер социальной поддержки).

Эффективным средством согласования конституционных принципов зарекомендовал себя конституционно-судебный контроль. Конституционный Суд РФ в Постановлении от 10 октября 2013 г. № 20-П сформулировал позицию, согласно которой правовая демократия, чтобы быть устойчивой, нуждается в эффективных правовых механизмах, способных охранять ее от злоупотреблений и криминализации публичной власти, легитимность которой во многом основывается на доверии общества. Создавая соответствующие правовые механизмы, федеральный законодатель вправе установить повышенные требования к репутации лиц, занимающих публичные должности, с тем чтобы у граждан не рождались сомнения в их морально-этических и нравственных качествах и, соответственно, в законности и бескорыстности их действий как носителей публичной власти, в том числе использовать для достижения указанных целей определенные ограничения пассивного избирательного права.

Такому подходу обычно противопоставляется тезис о народе как суверене, который волен сам выбрать любого кандидата, независимо от его качеств, как бы отпуская ему все прошлые грехи. Однако подобное представление о народовластии противоречит принципам правовой демократии и верховенства права, предполагающим всеобщую — в том числе самого народа, объединенного в государство, — связанность правом и конституцией. Необходимость соблюдения конституционного баланса публичных и частных интересов

¹⁴ См.: Саликов М.С. Предмет конституционно-процессуального права Российской Федерации // Российский юридический журнал. 2000. № 1. С. 19–27.

ориентирует на то, чтобы на пути во власть людей, пренебрегающих законом, существовали достаточно жесткие преграды, которые не сводятся к возможности избирателей составить свое мнение о личности кандидата, в том числе ознакомившись с его официально обнародованной биографией, включая сведения о его бывшей судимости. Совершенное когда-либо в прошлом тяжкое или особо тяжкое преступление является обстоятельством, несомненно влияющим на оценку избирателями репутации кандидата на выборную должность и тем самым определяющим степень доверия граждан к институтам представительной демократии, а в конечном счете — их уверенность в незыблемости верховенства права и правовой демократии. Исходя из этого, ограничение пассивного избирательного права и, соответственно, запрет занимать выборные публичные должности для лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления, как мера, направленная на предотвращение подрыва социальной поддержки и легитимности органов публичной власти, преследует конституционно значимые цели повышения конституционной ответственности и действенности принципов правового демократического государства, сохранения и надлежащего функционирования публичного правопорядка, предупреждения криминализации власти.

Г.А. Гаджиев полагает, что в основе идеи уравнивания, в том числе конституционных принципов, лежит рационализм, означающий, что: а) все конституционные принципы должны

сосуществовать; б) лучшим способом их сосуществования является такое истолкование одного конституционного принципа, когда новые представления о нем позволяют усилить регулятивный эффект от другого конституционного принципа (принципов); в) возможно не только уравнивание двух конституционных принципов, но и усиление значения, «возвеличивание» одного из них в какой-то период времени¹⁵.

С таким подходом следует согласиться, понимая, конечно, при этом, что его легко принять, но трудно прикладывать к законодательной конкретизации конституционных положений, их использованию в правоприменительной деятельности. Главное все же в том, что названная трудность не фатальна в условиях существования в стране сложившегося механизма конституционно-судебного контроля, отвечающего в том числе и за системное истолкование конституционных положений.

Право конституции как центр центров российской правовой системы выполняет и иные общеправовые функции. Все эти функции, соединяясь вместе, задают в стране режим конституционализма как единое системное проявление воле права конституции. Конституционализм — метаправовой режим, нацеливающий всех, на кого распространяется российская Конституция, на обеспечение, сообразно их месту в социуме, ценностей правового государства, определяющий содержание всех иных правовых режимов.

Библиография:

1. Алексеев С.С. Структура советского права. М., 1975. 264 с.
2. Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М., 1989. 288 с.
3. Безруков А.В. Конституция Российской Федерации как ценность общественно-правового развития // Современное право. 2014. № 4. С. 32–37.
4. Бондарь Н.С. Судебный конституционализм в России. М., 2011. 544 с.
5. Бондарь Н.С. Российское конституционное право в ценностном измерении: как правовой отрасли, юридической науки, учебной дисциплины // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 11. С. 4–13.
6. Гаджиев Г.А. Конституция Российской Федерации 1993 г. с точки зрения правовой аксиологии // Юридический мир. 2013. № 12. С. 27–30.
7. Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб., 2004. 752 с.
8. Зорькин В.Д. Современный мир, право и Конституция. М., 2010. 543 с.
9. Комментарий к Конституции РФ / под ред. В.Д. Зорькина. 2-е изд. М., 2011. 1008 с.
10. Крусс В.И. Доктринальные инновации в контексте конституционализации Российской правовой системы // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 4. С. 2–11.
11. Мир философии. М., 1991. Ч. 2. 672 с.
12. Саликов М.С. Предмет конституционно-процессуального права Российской Федерации // Российский юридический журнал. 2000. № 1. С. 19–27.
13. Хабриева Т.Я. Этапы и основные направления конституционализации современного российского законодательства // Журнал конституционного правосудия. 2013. № 6. С. 25–30.
14. Чиркин В.Е. Конституционное право России: учеб. М., 2003. 447 с.

¹⁵ См.: Гаджиев Г.А. Конституция Российской Федерации 1993 г. с точки зрения правовой аксиологии // Юридический мир. 2013. № 12. С. 29. Интересные идеи о конституционализации конституционного права высказаны Н.С. Бондарем. См.: Бондарь Н.С. Российское конституционное право в ценностном измерении: как правовой отрасли, юридической науки, учебной дисциплины // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 11. С. 5–8.

References (transliteration):

1. Alekseev S.S. Struktura sovetskogo prava. M., 1975. 264 s.
2. Alekseev S.S. Obshchie dozvoleniya i obshchie zaprety v sovetskom prave. M., 1989. 288 s.
3. Bezrukov A.V. Konstitutsiya RF kak tsennost' obshchestvenno-pravovogo razvitiya // *Sovremennoe pravo*. 2014. № 4. S. 32–37.
4. Bondar' N.S. Sudebnyi konstitutsionalizm v Rossii. M., 2011. 544 s.
5. Bondar' N.S. Rossiiskoe konstitutsionnoe pravo v tsennostnom izmerenii: kak pravovoi otrasli, yuridicheskoi nauki, uchebnoi distsipliny // *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*. 2013. № 11. S. 4–13.
6. Gadzhiev G.A. Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii 1993 g. s tochki zreniya pravovoi aksiologii // *Yuridicheskii mir*. 2013. № 12. S. 27–30.
7. Ellinek G. Obshchee uchenie o gosudarstve. SPb., 2004. 752 s.
8. Zor'kin V.D. Sovremennyy mir, pravo i konstitutsiya. M., 2010. 543 s.
9. Kommentarii k Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii / pod. red. V.D. Zor'kina. 2-e izd. M., 2011. 1008 s.
10. Kruss V.I. Doktrinal'nye innovatsii v kontekste konstitutsionalizatsii Rossiiskoi pravovoi sistemy // *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*. 2013. № 4. S. 2–11.
11. *Mir filosofii*. M., 1991. Ch. 2. 672 s.
12. Salikov M.S. Predmet konstitutsionno-protssessual'nogo prava Rossiiskoi Federatsii // *Rossiiskii Yuridicheskii Zhurnal*. 2000. № 1. S. 19–27.
13. Khabrieva T.Ya. Etapy i osnovnye napravleniya konstitutsionalizatsii sovremennogo rossiiskogo zakonodatel'stva // *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya*. 2013. № 6. S. 25–30.
14. Chirkin V.E. Konstitutsionnoe pravo Rossii: ucheb. M., 2003. 447 s.

Материал поступил в редакцию 22 августа 2014 г.